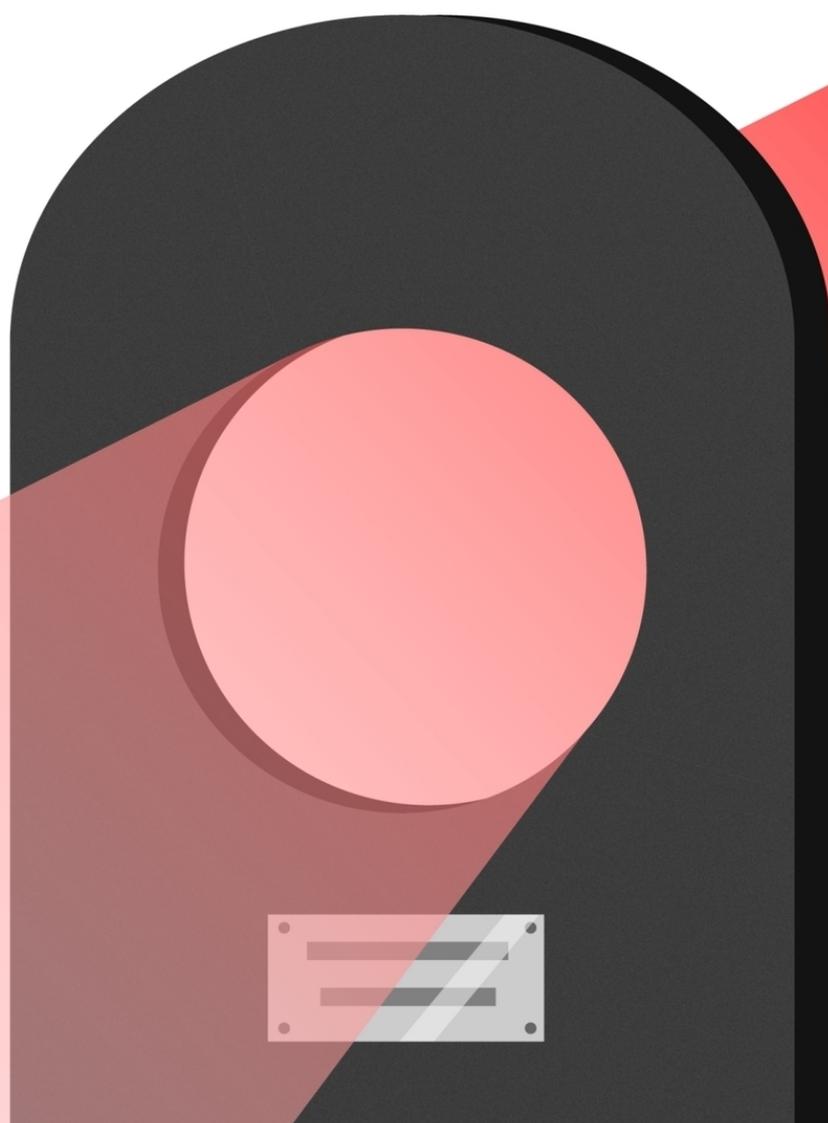

ПУТЬ ПО ЛИНИИ

СОЛОМОНОВ А. А.

12+

Арсений Соломонов

Путь по линии

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Соломонов А.

Путь по линии / А. Соломонов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Разве это жизнь? Вы только посмотрите вокруг? – Захлёбываясь слюной, он продолжал - Нет никого поезда... Меня нет и вас тоже нет. Мы не живём, а лишь подчиняемся условиям. Мы уже не мы и всё вокруг это лишь жалкая ложь во благо нашим проекциям. "

Путь по линии
Глава 1
Беглец

Средь всего земного шара по-прежнему помнится мне одна местность, непохожая на остальные. Точное её местоположение не назову, но с касанием быстрой ступни, слегка оглянувшись, можно было заметить странный пустырь рядом с лесом и маленькой деревней, на которой я и остановил свой неровный путь. Я бежал так быстро, как только мог и с каждой секундой оглядывал окрестности нового мира.

Деревня до боли знакомая стояла и привлекала к себе внимание, не то, как знамя или шрам, а как нечто другое, более значимое и важное. Как огромное пятно на широком и круглом теле, которое разглядишь даже будучи незрячим.

Молча стояли дома, но чьи-то ноги то и дело бежали врозь широким кустарникам и деревьям. Этот быстрый едва уловимый звук бегающих ног издаёт только тот, кто ловит образ окружающего мира даже в секундном касании земли, точно зная, что она приносит.

Лишь изредка, пробегая мимо, оглядываясь назад, замечаешь, как за спиной остаётся то, что всегда упускаешь. Но сегодня от одного только вида этого места вдруг обращаешься к нему самым прямым и ровным взглядом.

Дом среди остальных прочих выделялся незамысловатой расцветкой и ненадёжным фундаментом. Издали было заметно, как нечто неприкосновенное и неизведанное находилось за оконной рамой и вместе с тенями деревьев перетекало в домашний очаг.

Я видел, как с одной стороны на деревню абсолютно неестественно смотрело близкое море, а с другой бескрайние поля, сохранившие за собой те естественные очертания, в которой и вечности не хватит, чтобы разглядеть всего человека.

Коридором вокруг этого дома тактично выстраивались деревья в косой, но естественный ряд, они простирались плотной стеной вокруг полей и неровных ухабов.

Тот самый дом представлял собой двухэтажную постройку с высокими потолками и длинными окнами. Будь я ребёнком, так воспринял бы это как замок, потому как было бы тяжело отыскать, где вход, где выход и рассчитать высоту, до которой пришлось бы тянуться от петель и узких замочных скважин к высокому и недостижимому потолку.

Своей не ухоженностью старые стены оберегали вопли ранних мыслей и чувств, а вслед за ними оконные рамы встречали наблюдательные взоры лесных прохожих, то и дело подсматривающих за обитателями с разных сторон.

Праздная радость заключалась в том, что, несмотря на разношёрстность деревенских окраин, людей в этой деревне совсем не было. Они как будто не знали это место, или знали, но с каждым днём забывали. Как будто это лишь плод их фантазии, который всё тлеет, как оставленная без присмотра свеча.

В жаркий июльский день мальчишки собрали вещи и смелым шагом выдвинулись к побережью. Оно находилось недалеко от того самого детского дома и путь к нему, как и само море, было запретным куском мира, от которого стоило бы отказаться. Воспитатели ещё утром пересчитали всех оставшихся без родителей воспитанников и отправились ненадолго в город по своим взрослым делам.

Синие облака смотрели сверху и любовались на золотистые ржаные поля, по которым шли брошенные маленькие люди. Они нарушали указ, и потому их переполняла гордость обойти по травяной протоптанной тропе давно принятый взрослый закон. Без взрослых запрещено было посещать пляж, но желание было так велико, что, казалось, не было ничего важнее той сердечной прихоти, дорожить которой может только ребёнок.

Огромные поля и луга помогали детям обрести в душе нечто родное и тёплое. С каждым шагом, приближаясь к морю, солнце ослепляло зрачки, а возгласы становились всё задорнее и размашистее.

Главным в дворовой шайке был признан Андрей. Все знали его характер и уважали не только за то, что он самый старший, но и за вечную бунтарскую натуру, в которой все дети видят смелость и лидерство. На тот момент ему было почти восемнадцать. Он всегда шагал твёрдо и смело навстречу самым сумасшедшим приключениям.

Мальчишкам почему-то казалось, что он ничего не боится, но это было не так. Страх перед жизнью и решениями, которые придётся принимать, всегда таились где-то глубоко в душе и затмевали с каждым днём дорогу, по которой идут только с видимой уверенностью.

Воспитатели не раз доставали Андрея вопросами:

– Ты уже взрослый, ты решил, чем будешь заниматься? Ты же понимаешь, что жизнь здесь не вечна... Ты вот-вот уедешь... Твоя кровать освободится, и куда же ты пойдёшь? Ты ведь совсем ничего не понимаешь в жизни...

– Я не глупый... Я всё понимаю!

Его очень обижало желание воспитателей поскорее выселить тех, кто и так не имеет земли под ногами. В конце концов, у них нет родителей, а значит и элементарного знания самого себя тоже быть не может. Оно почему-то не приходит к тем, кто боится мира, или кто не знает, на что опереться. Как будто бы ты и вправду ничего не знаешь, и ничто не играет роли, если ты не видишь собственное «Я» в зеркале.

Об этом, пожалуй, судить могли лишь те, кто видел внешность и повадки со стороны и находил только сходства, скольких хватило бы на любой маломальский вывод.

Не смотря на то, что пособие, которое получали воспитатели за Андрея, было достаточно высоким, они обходились с ним так, как обходятся с всякими голодранцами, скитающимися по улицам.

За провинности его часто били и оскорбляли. Может быть поэтому с детства в нём воспиталось желание сбежать туда, где, возможно, будут его ждать. Частые побеги не приветствовались, однако, он их совершал.

С мальчишками, часто прибегая на пристань, и в дождь, и зной, и в жаркую погоду, он любил морской запах свободы, напоминающий его выдуманной дом. Эта надежда единственное, что отвлекало его от суетных проблем и предстоящего выбора будущей новой жизни.

Такой выбор стоял перед ним довольно часто, однако сегодня решено было сбежать от этой реальности и ненадолго искупаться. Собрав коуду, мальчишки пересекали ногами ржаные поля и мило разговаривали.

– Только не долго. – Сказал Андрей. – Сегодня он вёл себя очень ответственно.

– Ничего... Успеем... – Убедительно похлопал по плечу Ганс. – Воспитатели приедут из города через час... Мы успеем три раза проплыть и вдаль, и до глубины достать.

Андрей усмехнулся, и из его мыслей в мгновение собралась язвительная фраза.

– Я сегодня точно дольше тебя продержусь без воздуха в воде.

– А это мы ещё проверим – Засмеялся Ганс и по-дружески пихнул его.

– Жизнью и горящим солнцем клянусь, что выдержу дольше минуты! – Спорим? Или слабо? – Андрей протянул ладонь, и что-то внутри защекотало нутро. Он увидел, как в глазах

собеседника загорелся азарт. Зрачки заблестели, и он подал руку в знак уговора. Точка соприкосновения отразилась на ладони, и Андрей окрикнул Виктора.

– Разбей! – Тот любезно провёл ребром ладони по сцепившимся рукам.

За подобными играми всегда было интересно наблюдать и потому такое шоу устраивало всех собравшихся.

Сердце забилось в ритме опасной затеи, в которой соблюдались только свои правила.

– А если я проиграю, то что? – Спросил вдруг Ганс.

– Тогда... – Немного подумав, Андрей сказал – Прикроешь меня перед взрослыми при первой возможности. Уговор?

В этот момент Ганс осознал свой промах и уже был готов отказаться от спора, но что-то помешало его правильности вновь появиться.

– А если я выиграю?

– Тогда во дворе я никому не скажу, кто постоянно всех сдаёт.

В этот момент Ганс покраснел, но от спора не отказался. Ему не хотелось терять своё место в дворовой шайке.

– Уговор... – В полтона согласился он, и они оба пошли вперёд.

Ветер то и дело пускал по полям запах свежего азарта вперемешку с детским восторгом и сквозь солнечные ржаные поля тянулись быстрые ноги и постепенно спускались вниз наперекор солнцу.

Спустившись дальше по склону, парни увидели песчаный пляж, окружённый деревенскими людьми. Обитатели деревни выходили из леса и также как парни собирались искупаться.

Тёплый морской бриз и звуки волн колыхали душу вместе с листвой на деревьях, и с каждой новой минутой происходила настоящая жизнь, кипящая внутри отдыхающих.

Начиная от спуска, берег был достаточно обрывист, и потому нырять вглубь было намного легче. Морская вода хоть и вытаскивала наверх, однако при дополнительном усилии можно было даже достать до дна. Мальчишки ныряли с берега, на котором располагалась бетонная плита.

Деревенские поставили её для того, чтобы была возможность с разбегу нырнуть в бездонную солёную прохладу. Андрей разделся, и на загорелом теле выделялась лишь его бледная ладонь, имеющая много кривых линий.

Пока мальчишки галдели о правильности спора и своих предметах радости, Андрей вспомнил одну хитрость.

У стартовой площадки, какой и была назначена бетонная плита, располагалась железная дуга, взявшись за которую можно было перестать выплывать. Она находилась над нижней частью толстой плиты, и при погружении в воду он мог схватиться за неё для необходимого сопротивления силе солёной воды и буйным волнам, что так и стремились вытащить на поверхность. В морской глубине ржавый человеческий крюк не сложно нащупать, если знаешь, где искать. Такой план победы в споре отлично устраивал Андрея и, переглянувшись с соперником, оба прыгнули в воду.

В этот раз он знал, как поступить и потому начал держать воздух внутри самого себя, пытаясь хоть на минуту остановиться в окружении водяной толщи.

В море отразились ноги соперника, ныряющего на спор вместе с ним. Тогда Андрей решил попробовать оттолкнуться от плиты ногами и коснуться дна. Сквозь солнечные лучи, играющие с кораллами и манящие звуки волн, он услышал чей-то голос. Всего пара мгновений и вот почувствовалось песчаное дно и странное ощущение, не позволяющее выплыть на

поверхность. Как будто нечто тяжёлое вдруг сдавило всё тело и как якорь оставляло внизу. В глазах потемнело, и сердце забилося в ритме почти вечного движения минутной стрелки.

Глава 2

Море неприятностей

Поезд мчался с бешеной скоростью и, обгоняя все вокруг, резал солнечный свет. Из-за сумасшедших скачков тяжело было уловить запах. Окна в вагоне были разбиты, и пейзаж кое-как цеплял внимание на объекты окружающего мира. Тяжело было хотя бы на секунду заметить деревья, которые смазывались неуловимым взглядом проезжающих в поезде. Людей, которые даже не успевают или не улавливают ни один образ земного творения. Отчётливо виднелось только солнце, которое было больше всех и светлей. Оно то и дело кидало тени и освещало смазанные секундным временем деревья. Звук был невыносимо громким, казалось, что барабанные перепонки не выдержат стук колёс и марш механизмов.

– Как ты думаешь, ... что общего между машинистом и линией на твоей руке?

Сквозь шум послышалась мне странная фраза, и я переспросил.

– Что ты сказал?.. Повтори!.. – Громким голосом я попытался перекричать окружающие меня условия.

– Посмотри на ладонь! Посмотри! – Джон повысил голос так сильно, как только смог. – Глянь, что ты на ней видишь?

– Ничего... На ней почти ничего нет – старался я заткнуть режущий шум, мешающий нашему странному диалогу.

– Вот именно... На ней ничего нет... Всего одна линия... Понимаешь?

Я посмотрел на ладонь. На ней действительно была только одна линия, я никогда этого не замечал.

Тут фразу оборвал гудок и предупреждение машиниста -

"Скорость снижается, грядет замедление перед последней милей. Просим пассажиров проявить терпение".

Вагон резко приостановил бег колёс и снаружи показался алый закат, обливавший светом поля и леса. Протяжный звук резко пробежался по ушам людей в салоне и оглушил всё то, что смело звучать так громко. Шум вскоре прекратился и я обратил внимание на то, где нахожусь.

Рядом с горизонтом виднелись облака, приобретающие форму огромной волны, какая бывает в момент цунами. Облачная сине-алая волна накрывала густой лес и омывала их тенью. Невообразимая красота открывалась в миг короткого замиранья в поезде. С замедлением колёс через разбитые окна в салон пробрался солёный запах моря и водорослей, тогда я почувствовал что-то неладное.

– Это проблема последней мили... Вечное ожидание... – Послышался голос сзади.

– Откуда этот запах? Как будто бы пахнет чем-то солёным. – В момент относительной тишины и медленного хода поездных ног я поинтересовался у Джона.

– Может его море неприятностей накрыло перед последней милей?... – Рассмеялся он над самой глупой шуткой.

– Кого его?

– Как кого? – Удивлённо посмотрел на меня Джон. – Машиниста, конечно! – Его лицо выражало какую-то потаённую правду, узнать которую стоило именно мне.

– Вот ещё, гадость какая – сказал я, не понимая, что к чему...

Обращая внимание на окружающих, и на то, как они на меня смотрят, вдруг на короткое время мой взгляд вместе с поездом остановился на прояснившемся пейзаже.

– Почему мы так резко остановились? – Я отёрнул рукав собеседника и тихо задал следующий вопрос – И что за солёный запах?

– Это всё события в жизни, они тут иногда оставляют след на том, что нас окружает. – Тут он почему-то забавно ухмыльнулся.

– То есть существуют события, которые мы не видим?

В ответ на вопрос я услышал глухой взгляд и голоса, перекликающиеся сзади.

– Ты слышал, что машинист сказал? Мало того, что последняя миля и без того самый медленный этап, так ещё ждём прибытия до этой станции... – Эти голоса раздавались по всему вагону, и я в любопытстве обратил голову от разбитых рам, увидел за своей спиной томящихся в вагоне людей. В их глазах как будто не отражался пейзаж, а был лишь поезд, в котором они ехали.

Они, также как и мы, стояли и угрюмо смотрели, с зависшею мыслью в воздухе и в звуке. Тут поезд начал набирать обороты, и стук колёс приобрёл прежний темп.

Глава 3

Единственная жизнь

Вдох ... Выдох... – Послышался сквозь тишину грубоватый голос. – Ещё раз...

Тут грудь начала давиться от тяжёлых рук и морская вода, попавшая внутрь, вдруг запро-силась наружу. Сердце билось чаще и громче, и от каждого рывка сквозь бронхи, как слыша-щиеся вдалеке морские волны, поднимался кашель. Медленно, но верно, они восставали из чуть живого тела и обозначали себя не как признак возможной жизни, а как отдельное суще-ство.

– Что же вы стояли, когда он тонул? – Хорошо, что хоть кричать начали...

Из горла Андрея пробивалась вода, потому он продолжал сильно кашлять. Спустя пару минут, взглянув на мир, Андрей пытался начать объясняться.

Рядом с ним оказался местный спасатель и двое рядом стоящих приятелей.

– Я попросил достать со дна мою вещь – Вдруг не в такт и абсолютно бессмысленно произнёс Ганс.

Спасатель резко повернулся и недоверчивым взглядом посмотрел на Ганса.

– Я слышал чей-то голос, когда коснулся самого дна... – Вдруг вырвалось у Андрея. Спа-сатель привстал и помог поднять его с бетонной плиты.

– Ну, ты даёшь – Сказал Виктор – Разве так можно нырять? Я даже тебя не увидел в такой глубине. Зачем ты за плиту полез?

– Я решил дотянуться ладонью до дна.

– Так ты только до крышки гроба дотянешься. Ты же мог умереть! – Произнёс раздражающим голосом спасатель и обтёр руки от воды, как от того, чего бы стоило остерегаться.

– Я клянусь, что слышал голос! – Андрей вытер нос и виновато опустил глаза в земляную гладь.

Мальчики лишь переглянулись, не очень понимая суть такого рвения на дно.

– К чёрту голос! Ты что совсем дурак!? – Продолжал спасатель, поднявшись на уровень выше. Говоря вслух, перебирая все возможные, по-видимому, аргументы, в которых видел на тот момент толк – Вот представь, утонул бы ты, как дьявол в воде или чёрт в омуте. Что бы с тобой было? Ты бы тогда не вернулся домой! Понимаешь? А как же твои друзья? Как же их жизни? – спасатель не останавливался в своих нотациях. – Они бы остались без тебя! Ты бы не вернулся к ним и не порадовался с ними летнему дню... Они бы так тебя и похоронили... – Он замедлил темп – А что бы им воспитатели сказали?

– Я понял... – удручающе сказал Андрей, по-детски и настолько невинно, насколько только мог. – Не буду так больше...

Спасатель помотал головой и осуждающе глянул на компанию.

– Чтоб больше я вас не видел на пляже! – Сказал спасатель озлобленным голосом, с нахмуренными бровями.

В расстроенном состоянии мальчики поплелись домой. Невыносимая тревога всё ближе подбиралась к рассудку, и за каждым надуманным действием или словом, как будто тянулось то самое море неприятностей, накрывающее своей волной. Именно от него с каждым шагом хотелось избавиться, как от ненужного груза.

Тропинка из стоптанной старой жёлтой травы вела прямо к дому. Солнце ещё висело на вершине, однако медленно и лениво уже желало опуститься вниз.

– Помнишь тот утёс? – нашёл новую живую мысль Ганс и спросил, смотря на Андрея. Кое-как через толщу своих собственных самокопаний Андрей услышал вопрос собеседника и в задумчивости повернул голову лишь через пару минут.

Идя домой, казалось, сама дорога говорит детскими, страшными голосами, и как будто один из них говорил прямо сейчас.

– Я про тот, который ещё на обрыв похож...

– Ну,... помню... – Отсмаркивая нос на ходу от морской воды, говорил Андрей. Чёлка свисала к земле так, что, подняв глаза, не увидать было красивого синего неба, которое точно также походило на море своей яркостью и синим горизонтом.

– Мы с парнями завтра договорились тарзанку сделать. Там спасатель нас не найдёт, даже если очень захочет. Он теперь в этой части деревни живёт.

– Что это за место? – Лениво и недоверчиво тихо поинтересовался Андрей.

– На другой стороне деревни, там, где обрыв и скамейка. Мы там собирались раньше. Помнишь, как тогда... Много лет назад, когда мы плот соорудили, чтобы уплыть отсюда? – тот посмотрел на друга добрыми глазами.

– А ты не помнишь, зачем мы уплыть хотели? – С искренней забывчивостью посмотрел он на Ганса.

Казалось, что и в этом возрасте Андрей легко мог забыть, зачем он плыл, так усердно и так долго, упорно преодолевая изгибы волн.

– Как это зачем? Тебе тогда было лет восемь, а мне четыре. Ты сказал, что мы поплывём за солнцем. Оно же больше нас и светлей. Как это ты мог забыть? Ты что, совсем не пом-

нишь? Я тогда взял тебе и поверил, вот дурак... Даже слово с тебя взял, что доплывём. Совсем ненормальный – Ганс почесал голову и пожал плечами. – Жаль только спасатель это не оценил. Он тогда ещё на том берегу жил, совсем рядом. И когда увидел, нам потом обоим влетело, особенно тебе. Я видел даже, как тебя наказали, и как ты потом плакал, как девчонка – Тот ехидно усмехнулся.

– Я не девчонка... – Немного толкнув, Андрей обратился к Гансу. Этот жест только на секунду соединил две противоположности, у которых точка соприкосновения могла находиться лишь в момент толчка.

– Ну, в этом я ещё не уверен. – Хитро произнёс Ганс, зная, что стоит за этими словами – Так ты пойдёшь?

– А ты? С чего бы тебе идти? Ты же слишком примерный для таких игр.

– Да, пряников у меня много. Но это всё потому, что я всегда умел замечать следы или обойти самые опасные дела стороной. Иначе за что бы мне выделили грант на обучение в гимназии? – Тот гордо провёл ладонью по своему телу и нагрето улыбнулся.

– Это всё потому, что я не влипаю в неприятности. Не думаю, что на этой тарзанке случится что-то из ряда вон выходящее. – С задумчивым видом прибавил он.

– Если мы будем осмотрительны, то ничего не случится, и мы сможем повеселиться, как следует...

– Я сказал остальным, что ты придёшь, они обрадовались... – То и дело добавлял он аргументы в пользу любопытной затеи.

– Чему это? – Он удивился и резко остановился на полпути. – Мне рады?

– Ну да... – немного погодя добавил Ганс... – Тебя же за твои проделки вон как уважают – Ехидно усмехнувшись, Ганс подошёл ближе – Ты-то в воде дольше всех держишься, то из дома сбегаешь, то на корабле в далёкие дали вплавь ступаешь, то в лесу ночуешь несколько суток... Не все так могут.

– Тоже мне дело! – Отмахнулся рукой Андрей – Вот если я чего стоящего начну вытворять, то да! А это я от безделья! – Так и вылетело на колючем языке слово обо всей сущности маленькой жизни и в сути, и в жути душевной, что таилась внутри.

– Ну, брось хвастаться, я знаю, ты хочешь прийти. Ты всегда так смотришь на остальных, как будто выход ищешь. Чем тебе не выход из скучного мира? Я уже сказал всем, что ты будешь, так что завтра к обеду, около скамейки.

Их провожали медленно уходящее солнце и красный оттенок, потерявшихся в поле солнечных лучей. Тогда Андрей почему-то остановился и, немного погодя, пока Ганс ушёл вперёд, вдруг спросил молчаливого Виктора.

– Слушай... – Тихо произнёс Андрей, пока Ганс был впереди дороги.

– Чего?.. – Удивлённо посмотрел Виктор.

– Как думаешь, стоит идти? – Вдруг почему-то заинтересовался он. – Предчувствие у меня плохое.

– Ты боишься, что Ганс опять расскажет взрослым, что ты творишь?

– Нет, не боюсь. Я знаю, что ему есть, что терять. Поэтому, пусть терпится направо и налево! Мне-то что...

– А чего тогда?

– Ну, ты просто всегда молчишь. Может, посоветуешь что.

– Я тоже пойду на тарзанку, если вдруг что-то почую, дам знать... – И тот дружелюбно подмигнул и улыбнулся, как только позволяла мимика лица.

– Ну чего вы там застряли? – Крикнул Ганс, уйдя далеко вперёд от стоящих на поле друзей. – Скоро солнце сядет! Нам нужно к ужину вернуться! – Сказал Ганс и начал держать шаг медленнее, чтобы уловить отстающие тени.

С опускающимся солнцем, они добрались по дороге и вновь попали в привычный детдомовский быт. Воспитатели уже вернулись из города и были так сильно заняты, что, по обыкновению своему, не заметили грустных лиц, передвигающихся по часовой стрелке. Дети зашли в дом и уселись в проходной, чтобы перевести дух. На выступе деревянной крохотной лестницы, на которой они часто сидели, как странники из далёких далей, были выцарапаны чёрточки маленьким железным гвоздём, который регулярно вырывался по собственной воле из щели дома.

Дверь между кухней и проходной была открыта и Андрей с ребятами могли прекрасно видеть и слышать взрослые разговоры воспитателей детского дома. Стены были красиво раскрашены детской принуждённой рукой, а лестничные перила у входа обрисованы разноцветной гуашью, которая томится в шкафу и всё ещё ждёт своих художников.

– Представляешь – Пронесся мужской голос сквозь раскрашенные фантазией и мечтами стены.

Александр Филиппович, на вид которому было лет пятьдесят, представлял собой сварливого старика, отдавшего жизнь науке. Он не очень любил детей и потому совмещал работу воспитателя детского дома с работой на кафедре. На его работе, судя по разговорам, было много студентов не очень умных. Но зато было много хорошо учащихся. Они часто приходили в гости к Александру Филипповичу, и он часто пил с ними чай. Судя по всему, так они выказывали своё уважение или истинное мнение в принесённом дарё. Таковыми были шоколад или печенье, которое Александр Филиппович всё равно ел один. Не смотря на это, на вид он был очень несчастный, по его виду можно было предположить, что в мире не существовало ровным счётом ничего, кроме точных измерений и научных трудов, собранных одним человеком. Будто бы существовало только несколько учёных, которым стоило доверять, а все остальные лишь вели науку по неправильному и нелогичному пути. Эту точку зрения поддерживали и студенты, что учились лучше остальных.

– Сегодня один безумец выступал в высшем институте физики – Интонационно выделяя эту важную деталь, он тем самым говорил, как всегда гордился местом своей работы, даже не смотря на бестолковых учеников, – и озвучил на всю аудиторию теорию о квантовом бессмертии, сказав, что с ней его жизнь видна как на ладони.

– Неужели? И в чём заключалась эта теория? – спросила Ника. Она работала в биологическом отделении, и, в отличие от Александра Филипповича, была молода. За большую плату устроилась работать в детский дом и также совмещала дело всей жизни с работой, за которую платят. В своих кругах она была очень влиятельна и, не смотря на видимую мягкость, суровость взгляда всё равно прорывалась, как и жесты указательного пальца, то и дело напоминали человека напыщенного, но системного, которому бы стоило подчиниться.

– Молодой парень вышел сегодня. Встал за кафедру с очень важным видом и в своём докладе заявил: – Он достал из своего портфеля папку с бумагами и вытащил самую первую из них.

Александр Филиппович недовольно, с видом барского упущения, зачитал вслух следующее:

Опыт с котом Шрёдингера показывает, что суперпозиция важна не только в микромире, но она объясняет и многие явления из макромира. Квант как таковой невозможно измерить при попытках зафиксировать позицию или действие, квант перестаёт везти себя естественно

и из-за постороннего «взгляда» меняет свою траекторию. На этом основании стоит полагать, что всё, что мы видим не только результат уже искажённой реальности, но и лишь доступная нашему глазу вселенная, в которой мы живём. С каждым опытом кота Шрёдингера вселенная делится ровно на ту, в которой кот умер и ту, в которой кот жив. А, соответственно, в данный момент я вовсе не читаю доклад. Это лишь ваша иллюзия и если вы думаете, что всё, что вы видите, это реальность, то я со своим ненастоящим докладом готов доказать вам, что вы и я это лишь одна из версий. Не верите? Ну, вы же сейчас смотрите не на меня, а на кучу квантов, которые ведут себя так лишь потому, что вы смотрите. Если бы версия меня была бы по-настоящему одна, то почему я не умер при самой первой случайности. В своей жизни я как-то вывалился из окна. Так вот в одной из вселенных я упал и умер, а в другой читаю этот самый доклад. К тому же как вы объясните линии на ладони? Смотрите! Их великое множество. Сколько линий, столько возможных версий меня. – Тут он показал ладонь и гордо произнёс "это всё версии меня".

Воспитатели рассмеялись, приняв это за невообразимую глупость.

– Это почти ненаучно и абсолютно глупо. Что этот студент о себе возомнил? Он думает, что я этого не знаю? Многие учёные не готовы мириться с этим фактом, и я их полностью поддерживаю. – Добавил в конце своего повествования Александр Филиппович.

– Я этому студенту ещё устрою, вот придёт сессию сдавать, посмотрим кто из нас больше в теории струн понимает.

– На моём факультете прямо пропорциональная история... Не поверите... – Вдруг сказала Ника – И почему дети имеют такое самомнение и всегда хотят высказывать больше, чем положено? Мы в их возрасте себе такого не позволяли! Правда, Александр Филиппович?

– Именно! –Подтвердил он и продолжал складывать бумаги обратно.

Андрей увидел, как глаза Ганса загорелись в такт с его. Обычно это редко происходит, так как Ганса всегда устраивало положение «младшего в доме» и, в отличие от Андрея, он никогда не позволял себе при взрослых поведение, выходящее за рамки. Он знал, что уже добился хорошего отношения к своей персоне, поэтому боялся перечить.

– А, по-моему, звучит привлекательно. – Как бы невзначай тихо произнёс Ганс.

– Да что ты говоришь такое? Это просто набор псевдонаучных фраз.

Александр Филиппович привстал и с недоумением посмотрел на него.

– Ты просто ещё не учишься толком и не знаешь, что в физике в действительности есть только два пути. Два главных теории. И мы сейчас говорим о неверной.

Он принимал на веру всё, что было ему удобнее и потому не мог понять домыслы студента, которые, как и послушник Ганс, вдруг решили, что они знают больше, чем Александр Филиппович, отдавший жизнь кафедре и своей почётной степени кандидата.

– Да это же абсолютно гениально! – воскликнул Андрей – Он редко поддерживал Ганса в его взглядах, но на этот раз не влезть было бы глупым. – Вы никогда в сказки не верили – продолжал он – А зря. Я почти уверен, что ваш студент абсолютно прав. Вам, как старику, просто тяжело признать, что есть люди умнее вас. – В этот момент Андрей рассмеялся, ведь подобные диалоги так часто не выдвигались на общее обозрение, что присутствовать при такой премьеры было великой честью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.